

ЦАПЦАПАРЕЛЬ И ЕРОФЕИЧ

Трпг. - 1993. - 18 авг. - с. 6.
Картинки городского быта в эпоху роговой музыки

В начале прошлого века из Смоленска в Москву доставили свихнувшегося учителя Ивана Корейшу, чем привели в волнение немалое число горожан. В доме для сумасшедших его поместили в отдельную комнату, к дверям приставили дьякона, которому велено было взимать по 20 копеек с каждого, кто пожелает повидать Корейшу. А таких оказалось множество, поскольку большой слыл прорицателем. И хлынул к нему народ, жаждущий заглянуть в собственное будущее. Спрашивает, например, вдовушка, выйдет ли она замуж! «Это хитрая штука в своей силе, что в рот носили, — мудро отвечает «прозорливец». Допытывается купчиха, что будет с ее сыном. Корейша вскакивает ей на спину и начинает молотить кулаками. «Не пугайся, матушка, — успокаивает дьякон, — это значит, что сын твой скоро поступит в кавалерию»...

Был Корейша столь популярен, что даже попал в одну из пьес А. Н. Островского. Но кто его сегодня помнит? Да и только ли несчастный юродивый забыт? Уж на что вроде бы вечны слова, ежедневно по многу раз произносимые, а и они потерялись. Ну, скажем, что означает «билиндрыся», «таранга», «отымалка»? Или — «вошва», «спиря»? Чтобы вы не мучились в угадывании, значат они: безделушки, балаболка и тряпка, коей брали из горячей печи горшок. Вошва же — лоскут дорогой ткани, вшитый в платье ради украшения. «Спирей» называли танец, изобилующий непристойными телодвижениями...

Эти сведения почерпнуты из книги, созданной тремя учеными вскоре после Великой Отечественной. Однако к читателям она не попала — в 1949 году, когда типография была готова выдать тираж, книгой заинтересовались в ЦК ВКП(б): затребовали ее, ознакомились и... запретили. Сочли вредной. Называлась она «Словарь к пьесам А. Н. Островского». Авторы — Николай Ашукин, Сергей Ожегов и Владимир Филиппов — во вступлении писали: «Великий русский драматург А. Н. Островский — один из наиболее любимых отечественных писателей-классиков на советской сцене... Необходимо, чтобы язык пьес Островского был в полной мере понятен во всех тончайших оттенках, чтобы работники театра обладали знанием жизни, изображенной Островским, и понимали все частности и детали, встречающиеся в его пьесах. Без этого может получиться искаженное представление о прошлом и у участников постановки пьес Островского, и у зрителей».

Сейчас трудно предполагать причины запрета — документы не сохранились. Вероятно, бдительных цензоров насторожили некоторые выражения, некогда бывшие в ходу у москвичей. Вот говорили они: прокламация, а имелся в виду — пустой разговор. Говорили: жупел, подоплека... Слова эти не сходили с языка любого пропагандиста-агитатора, а составители словаря разъясняют: в первом случае речь просто о горшочке сере, во втором — о подкладке, пришиваемой к рубашке от плеч до середины спины. Ладно, можно закрыть глаза на то, что шлюха — всего лишь неряшливая, неопрятная женщина, а отнюдь не дама легкого поведения. Но строки о толкучке — рынке, на котором торговали всяким старьем и который до 1890 года размещался на Старой площади?.. Тут могут возникнуть весьма сомнительные аналогии.

Впрочем, для большинства читателей привлекательны не подобные, хоть и резонные, предположения. Привлекательно другое — открывать «дополнительный» смысл в привычных нам словах. Возьмем наугад несколько:

● ХАЛТУРА. В «переводе» со старомосковского так духовенство именовало службы, происходившие на дому у прихожан по праздникам. Чтобы обойти больше домов (и, следовательно, собрать больше денег), они велись ускоренно и в сокращенном виде.

● КОНКУРС. Собрание заимодавцев для рассмотрения дел несостоятельного должника. В конкурс поступало все его имущество и распределялось между заимодавцами в присутствии хозяина, официально «выписанного» из долговой тюрьмы.

● ПОЖАР. Пустое место, ос-

тавшееся после пожара. В частности, Иван III, перестраивая Кремль, окружил его такими пустырями, чтобы огонь, вспыхни он вновь, не мог перекинуться через кремлевские стены. Пожаром до XVII века называлась Красная площадь.

И разве не любопытно узнать, какие понятия вкладывали москвичи во фразы: «Танцуй отсюда!» (т. е. уходи), «А вот и ванька» (появился дешевый легковой извозчик на плохой лошаденке), «Ведь он чиновник с кавалерией» (с орденом или медалью — кавалер). И если они говорили о человеке «неосторожен руками», пояснений не требовалось — драчу. Если советовали занедужившему девичью кожу, понятно было — рекомендовали средство от кашля, приготовленное из корня просвирняка с сахаром, яичным белком и прочими составляющими. Спрашивали гостя: «Не желаете ли крамбамбулевой?», а он отвечал, мол, предпочитает листовочку, стало быть, в данный момент ему по вкусу водочка, настоенная на листьях смородины, а не на гвоздике, корице и вишневых косточках...

Вообще к спиртному в Москве, судя по репликам героев пьес А. Н. Островского, внесенным авторами в свой «Словарь...», относились со вниманием. Упоминается, например, Ерофеич, об особенностях которой сам драматург рассказывал так:

«В Москве продавалась в фунтовых картузах (т. е. в пакетах) смесь разных пахучих трав с прибавлением мелких сухеных домеранцев под названием «набор». Водка, настоящая набором, называлась «Ерофеич». По преданию, рецепт принадлежал жившему в XVIII веке лекарю Ерофеичу, знаменитому тем, что вылечил графа А. Орлова от опасной болезни. Эта водка в старину считалась целебной при множестве недугов».

Прибегали и к жженочке — напиток самодельному. В металлическую миску (сложите, сравните и завидуйте!) наливали вино, ром, слегка посыпали сахаром, клали апельсин и ананасы. Затем миску накрывали крест-накрест ножами, на них помещали сахарный кус, обдавали его ромом и поджигали, отчего лился в миску расплавленный жженный сахар. Вскоре пламя тушили белым вином.

Ну это — для придания пирушке торжественности. А в будничных ситуациях пользовались заграничными винами ярославского производства — суррогатами, которые под видом малаги, хереса, мадеры продавали иные русские виноторговцы. В середине прошлого века такими подделками особенно славились города Кашин и Ярославль. Пивали и лисабон — красное или белое сладкое вино, якобы привезенное из Португалии, в действительности же сработанное в России и весьма дешевое: «Позвольте вас поточевать бутылку лисабонцу лучшего...». «Отчего бы и не проташить (не выпить)», — откликнулся угощаемый, хотя убежден был, что наутро придется ему употреблять цапцпарель — снадобье, излечивающее от последствий пьянства. Разумеется, если не попадет, возвращаясь домой, в бражную тюрьму — тогдашний «медвытрезвитель». Однако и попал, лелеял горемыка надежду: глядишь, к адмиральскому часу выпустят... В жизнь далекой от морей-океанов Москвы час этот вошел с Петровской поры, когда в 11 часов утра заканчивались заседания адмиралтейств-коллегии и чиновники отправлялись выпить и закусить. Вот и в пьесе

Островского «Свои люди — сочтемся» беседуют персонажи: — Тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

— Известное дело — адмиральский час, самое настоящее время.

Щедро рассеяны в «Словаре...» приметы российского быта, имена исторических личностей, которые ООН, может, никогда не внесет в свои списки особо выдающихся деятелей, но России без них нельзя.

Например, упомянут в «Талантах и поклонниках» Полевой Николай Алексеевич. За что честь? А за то, что сей купеческий сын, образования не получивший, самолично изучил несколько иностранных языков, впервые не с французских переводов, а с английского, с подлинника перевел на русский «Гамлета», стал издателем знаменитого «Московского Телеграфа», раздражил «Историю государства Российского» Карамзина и в пику ему написал собственную «Историю русского народа», а также 38 драм, основательно потрепанных критиками. Впрочем, он и сам не питал почтения к тогдашним литературным корифеям, раздавал налево и направо критические оплеухи, за что, можно полагать, и пострадал — журнал его прикрыли.

Своеобразный был человек, достойный, чтобы ради него колокола лить. Только литье колоколов не следует воспринимать буквально — выражение это возникло из старинного московского обычая.

Разнеслась, предположим, по городу страшная весть: при венчании в одной из церквей на Покровке, «когда священник повел жениха и невесту вокруг аналоя, брачные венцы сорвались у них с голов, вылетели из окон церковного купола и опустились под наружные кресты, утвержденные на главах церкви... Слух этот был настолько силен в Москве, что к церкви съезжались экипажи в таком количестве, что проходу не было. К этому добавляли, будто жених и невеста были родные брат и сестра и что они этого не знали и только чудо не допустило до греховного брака». На поверку же оказалось — слух, причем распущенный умышленно, поскольку в те же дни отливали колокол, а по поверью, чем теплее и громче слух, тем звончее и чище будет колокол.

Занимательно? Возможно. А ведь составители запрещенного «Словаря...», разыскивая свидетельства и подробности событий, даже лишь мимоходом задевших в пьесах А. Н. Островского, изложив их, создали по сути энциклопедию народной жизни. И пропала бы она втуне, когда бы не доктор архитектуры Сергей Ожегов — сын Сергея Ивановича Ожегова, одного из составителей книги.

Тут надо вернуться в год 1949-й: из ЦК ВКП (б) затребовали «Словарь...». В типографии в спешном порядке сброшюровали 20 томов, часть из них осталась у авторов. Экземпляр, переплетенный в цветастый ситец, сохранился и в семье Ожевых. Его-то настойчивыми хлопотами Ожегова-сына с помощью недавно умершего Владимира Лакшина и усилиями тех, кому дорога русская культура, повторила репринтным способом редакционно-издательская фирма «Веста». Правда (и к сожалению), невеликим тиражом — средств хватило всего на 25.000 штук. Что ж, действительно штучный товар, хотя разум противится приравнивать к товару это необычное сочинение.

Здесь кстати, пожалуй, иное сравнение, почерпнутое из «Словаря...» же. В начале прошлого века в России была модной роговая музыка. Каждый из исполнителей (а число их колебалось от 11 до 48) играл на своем инструменте-роге только одну ноту, но соединенное мастерство их рождало музыку совершенную, необыкновенную. Чем-то очень похожи на этот оркестр (российское изобретение, вызывавшее изумление иностранцев) совместные действия энтузиастов, способствовавших выходу в свет забытой книги: одни редактировали, другие доставали деньги, третьи искали бумагу, четвертые уговаривали полиграфистов, пятые... И т. д., и т. п.

И песня состоялась... Владимир СВИРИН.

91